

RU

Модель сравнения как способ выражения степенной семантики в русском синтаксисе

Илюхина Н. А., Шевченко В. Д.

Аннотация. Цель исследования – выявить единую логику и способы опосредованного выражения степенного значения на двух синтаксических уровнях, основанные на сравнении, своеобразие степенной семантики этого типа и механизм вовлечения массива лексических единиц в выполнение функции степенного определителя в простом предложении. Научная новизна работы заключается в выявлении универсальной модели передачи степенной семантики через сравнение с проявлением признака в другой ситуации или у другого носителя признака. Полученные результаты показали наличие единой логики, а также конкретные способы воплощения модели сравнения при обозначении степени признака на уровне простого и сложного предложений и их соотношение: обстоятельство, выраженное сравнительным оборотом («боялся как огня») и наречием («по-царски», «адски», «дьявольски») в простом предложении, придаточное степени в сложном предложении. Выявлена высокая продуктивность модели сравнения в привлечении слов с разной исходной семантикой к выполнению функции выражения степенного значения в составе простого предложения. Установлено, что степенная семантика у слов с разным значением – наречий и слов разных частей речи, входящих в состав сравнительного оборота, – отличается синкретизмом – возникает на основе значения качества и часто совмещается с ним.

EN

The comparison model as a way of expressing degree semantics in Russian syntax

N. A. Ilyukhina, V. D. Shevchenko

Abstract. The aim of the study is to identify a unified logic and methods of indirect expression of the degree meaning at two syntactic levels, based on comparison, the originality of the degree semantics of this type, and the mechanism of involving a mass of lexical units in performing the function of a degree determinant in a simple sentence. The scientific novelty of the work lies in identifying a universal model for transmitting degree semantics through comparison with the manifestation of a feature in another situation or in another carrier of the feature. The results obtained showed the presence of a unified logic, as well as specific ways to embody the comparison model when denoting the degree of a feature at the level of simple and complex sentences and their relationship: the adverbial modifier expressed by a comparative construction (“боялся как огня” – feared like fire) and an adverb (“по-царски” – royally, “адски” – hellishly, “дьявольски” – devilishly) in a simple sentence, and an adverbial clause of degree in a complex sentence. The high productivity of the comparison model in attracting words with different original semantics to perform the function of expressing degree meaning as part of a simple sentence was revealed. It was established that the degree semantics of words with different meanings – adverbs and words of different parts of speech that are part of a comparative construction – is characterized by syncretism – it arises on the basis of the meaning of quality and is often combined with it.

Введение

Актуальность исследования предопределяется тем, что известный факт активного привлечения лексических средств разных семантических групп к выполнению функции показателей степени проявления признака, нередко сочетающих собственно количественную семантику с качественной, а также с эмоциональной, оценочной, экспрессивной, приводит к необходимости выявления моделей, регулирующих этот процесс. Другая актуальная линия исследования связана с выявлением механизма, обеспечивающего особый тип изоморфизма – единую модель опосредованного выражения степенной семантики на уровне простого и сложного предложений.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи:

- собрать и систематизировать материал, содержащий разноуровневые средства опосредованной передачи степенной семантики, воплощающие модель сравнения;
- выявить способы реализации модели сравнения на уровне простого предложения, коррелирующие с логикой выражения степенного значения в сложном предложении;
- дать интерпретацию этой корреляции как особого проявления изоморфизма двух типов предложений, а также лексических и синтаксических средств выражения степени;
- проанализировать механизм развития степенной семантики у лексических единиц с разным исходным значением.

Исследование проведено с использованием методов компонентного, контекстуального, сопоставительного и трансформационного анализа. Приемы компонентного и контекстуального методов использовались при фиксации степенного значения в качестве вторичного у лексем с разным исходным значением и оценке условий развития этого значения. Применение сопоставительного и трансформационного анализа позволило установить семантическую эквивалентность разноуровневых средств при выражении степенной семантики для вывода о наличии межуровневого изоморфизма в рамках модели сравнения при опосредованном выражении этого значения.

Анализ выполнен на текстовом материале, извлеченном из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Теоретическую базу исследования составили работы по лексикологии, семасиологии, морфологии и синтаксису.

Интерес отечественных языковедов к функционально-семантическому полю (ФСП) градуальности (интенсивности) связан с разными аспектами: осмыслением прагматического аспекта речевой деятельности (Арутюнова, 1976), углублением представлений о категориальной семантике единиц этого поля (Колесникова, 2018; Воротников, 2011), выявлением состава средств разных уровней языка, которые прямо или опосредованно передают эту семантику: лексических (Ховалкина, 2014; Хмелевский, 2018; Глазунова, 2024), фразеологических (Поддячая, 2009), синтаксических (Сальникова, 2010), паремиологических (Колесникова, 2022), просодических (Соколова, 2011), соотношением значения степени (интенсивности) и коннотативных значений, вопросом о характере границ поля. Более последовательный интерес ученые проявляют к лексической подсистеме ФСП. Это объясняется, в частности, тем, что она активно пополняется за счет привлечения слов с разнообразным исходным значением, развивающих в определенных условиях степенную семантику. О. И. Глазунова отмечает в этой связи: «В настоящее время наречия степени являются недостаточно разработанной областью в русской грамматике. Споры идут и относительно вхождения в данный разряд некоторых наречий, и относительно их сочетаемостных возможностей» (2024, с. 89).

На изоморфизм как системную особенность русского синтаксиса впервые обратил внимание, как известно, Ф. И. Буслаев (1959) в своем труде «Историческая грамматика русского языка». Изоморфизм как корреляция грамматических значений в структуре простого и сложного предложений получил описание в синтаксических трудах и был положен в основу традиционной классификации типов придаточных в сложноподчиненном предложении, изложенной, в частности, в Академической грамматике 1954 года (АГ-54) (Грамматика..., 1960). Но семантика сравнения, как известно, не имеет на уровне простого предложения прямого выражения в составе членов предложения: «... сходством функций с членами [простого] предложения обладают не все придаточные: придаточным следствия, присоединительным, ряду сравнительных не соответствуют какие-либо члены предложения» (Скобникова, 1993, с. 27).

Однако, как показало наше исследование, семантика сравнения (а также следствия (Илюхина, 2025)) не только получает свое выражение на обоих синтаксических уровнях, но и представляет регулярную модель опосредованной передачи ряда значений, демонстрируя принципиально иное проявление изоморфизма языковой системы. Есть основания утверждать, что модель сравнения как средство выражения степенного значения в русском синтаксисе следует считать универсальным механизмом и показателем изоморфизма семантической структуры простого и сложного предложений.

Практическое применение полученные результаты могут найти в процессе преподавания курсов современного русского языка и общего языкознания, разработки спецкурсов по семасиологии.

Обсуждение и результаты

Как известно, степенная семантика выражается посредством, прежде всего, специальных грамматических категорий: на уровне сложного предложения – в семантике придаточного степени, в простом предложении – в семантике обстоятельства степени. При этом обращает на себя внимание особая роль опосредованного выражения этой семантики – использование модели сравнения в качестве единого механизма выражения общего значения, который следует квалифицировать как особый тип изоморфизма, охватывающий не только два синтаксических уровня, но и системную корреляцию синтаксических и лексических средств выражения степенного значения.

На уровне сложного предложения модель сравнения получает выражение в предложении с придаточным степени, включающим сравнительные союзы, например: *Сам того не замечая, он театрализовал фабулу, излагал данные события с такой темпераментной страстностью, словно они сызнова совершаются в эту минуту* (Чуковский К. И. Репин-писатель. 2001 (НКРЯ)). (Многие использованные здесь примеры найдены с помощью Национального корпуса русского языка и отмечены аббревиатурой НКРЯ). В простом предложении

данная модель находит выражение в использовании в роли обстоятельства сравнительного оборота (*голодный как собака*) и адвербиальных лексем, образованных от прилагательных и воплощающих представления о той или иной реалии (*адски тяжелый, младенчески невинный, царски щедрый*).

Функционально-семантической особенностью рассматриваемой модели, отражающей природу познавательной операции сравнения, является характеристика степени проявления признака через указание на идеальный (эталонный) носитель этого признака или на ситуацию эталонного его проявления. Эталонный носитель воспринимается как такой, в котором признак выражен в достаточно высокой либо в наивысшей степени его проявления с точки зрения говорящего (очень голодный – собака, очень щедрый – царь, исключительно совершенный – бог, очень бояться – бояться огня). В связи с этим функция степенной характеристики в соответствующих конструкциях совмещается с другой функцией – образной репрезентацией характеризуемого признака. Иными словами, модель сравнения при передаче степени признака отличается установкой на его изобразительность. Приведем высказывания, в которых степенная семантика передается с использованием модели сравнения в простом и сложноподчиненном предложениях: *Нужно снарядить экспедицию для того, чтобы открыть новый путь к Индии и сказочно богатым пряностями Молуккским островам* <...> (Тихомиров О. Подвиг Магеллана. 2002 (НКРЯ)); *Линии рта были мужественны и в то же время – детски нежны* (Шолохов М. Тихий Дон. 1980 (НКРЯ)); *Если я устал как собака, я посплю, отдохну – можно снова за работу* (Шукшин В. Печки-лавочки. 2003 (НКРЯ)); *Утром, измученная внутренней войной, она встала такой разбитой, будто по ней проехал танк* (Косовская М. Папа-юморист: короткие рассказы. 2020. <https://znamlit.ru/publication.php?id=7659>).

Обратимся к сложному предложению с целью продемонстрировать характер соотношения сопоставляемых ситуаций – характеризуемой и служащей способом ее характеристики в аспекте степени проявления признака (названной в придаточном предложении).

В Академической грамматике 1970 года (АГ-70) эти предложения рассматриваются в составе местоименно-соотносительных предложений (включающих «соотносительное слово, т. е. формально входящее в главную часть местоимение, к которому относится придаточная часть и которое соотносит содержание придаточной части с содержанием главной» (Грамматика..., 1970, с. 683)) на правах одной из разновидностей – как «предложения фразеологического типа», в которых «отношения между соотносительным словом и придаточной частью <...> опираются на элементы смысла, свойственные всей конструкции в целом как фразеологизованной схеме» (Грамматика..., 1970, с. 684).

В Русской грамматике 1980 года (РГ-80) рассматриваемые конструкции включены в состав широко понимаемых определительных предложений и представляют одну из трех семантических разновидностей: «Средствами союзной подчинительной связи выражаются определительные отношения: 1) количественное (меры и степени); 2) качественное (определение со стороны свойств и качеств); 3) квалифицирующее (определение по внешнему проявлению или способу действия) ...» (Русская грамматика, 1980b, с. 493). Однако проведенный нами анализ материала позволяет установить, что степенная семантика в определенных условиях может передаваться также предложениями с качественной семантикой.

Предложения, специализированные для выражения степени, получают в РГ-80 детальную характеристику, основные положения которой заключаются в следующем: «В предложениях со значением меры и степени опорный компонент семантически ограничен; им может быть только слово – прилагательное, наречие, предикатив, глагол, существительное – с качественной семантикой или количественно-именное сочетание. Возможности употребления союзов <...> в предложениях со значением меры и степени ограничены: союз возможен лишь в тех конструкциях, в которых это значение сводится к указанию на высшую степень (интенсивность) проявления признака. Значения полной – неполной, достаточной – недостаточной и чрезмерной степени признака способом сравнения не выражаются. <...> При опорном слове обычно имеются местоименные прилагательные или наречия с усилительным значением, такие как *такой, так, до того, до такой степени*» (Русская грамматика, 1980b, с. 494). В данном случае более подробно прослеживается различие в передаче семантики степени через сравнение, обусловленное типом сравнительного союза. В частности, указывается, что в передаче «интенсифицирующего степенного значения участвуют преимущественно союзы с условно-предположительной семантикой» (Русская грамматика, 1980b, с. 494). «Союз *как* <...> в предложениях со значением степени <...> употребляется только в специальных условиях: когда признак, определяемый по степени проявления, мыслится как исключительный и эта исключительность выражается средствами отрицания (иногда скрытого)» (Русская грамматика, 1980b, с. 494), например (здесь и далее полужирным шрифтом выделено авторами статьи. – Н. И., В. Ш.): *Баясников жил так привольно, как никогда не живал* (С. Аксаков). «Аналогичны случаи, когда признак не отрицается, но существенно ограничивается в каком-либо отношении: *За окном было так тихо и так темно, как бывает только ночью в деревне* (Л. Пантелеев)» (Русская грамматика, 1980b, с. 494). В предложениях с другими союзами (союзами недовольного сравнения) объектом сравнения выступает предполагаемая, а не реальная ситуация, например: *Из-за перегордки вышла кошка, худая до того, словно ее переехала машина* (С. Антонов).

Однако к выражению степенного значения имеют отношение не только предложения с количественным значением, но и, как показывает анализ, нередко также предложения с качественно-характеризующим значением. В таких случаях можно наблюдать семантический синкретизм: в определенных условиях наблюдается тенденция к выражению интенсифицирующей семантики, совмещенной с базовой для этой разновидности семантикой – «определением со стороны свойств и качеств». Условием для развития дополнительной,

степенной оценки (т. е. синкретизма) является качественная семантика опорного слова, допускающая не только дополнительную качественную характеристику, но и количественную (интенсифицирующую) оценку. Ср. с этой точки зрения два предложения, включенные в РГ-80 в разряд качественно-характеризующих, но различающиеся семантикой опорных слов, которые, по нашему мнению, допускают (в первом случае) или исключают (во втором случае) степенные отношения: *Губы ее перекосились так жалобно, как у очень маленьких детей, когда они начинают чего-нибудь пугаться* (Ф. М. Достоевский); *Даша прощалась с ним так, как прощаются навсегда* (А. Н. Толстой). В первом предложении можно констатировать семантический синкретизм – совмещение качественной и количественной характеристики состояния лица, выраженного наречием *жалобно*. В связи с первым из приведенных предложений отметим, что в РГ-80 такая конструкция последовательно оценивается как самостоятельная предикативная единица – придаточное предложение. С учетом того, что конструкция по своему грамматическому статусу занимает промежуточное положение между предикативной единицей и членом предложения, в данной статье она представлена двояко: в случае развернутого выражения, в котором можно усмотреть эллипсис предиката, – как неполная предикативная единица, а при условии неразвернутого выражения – как синтаксема, в данном случае – как обстоятельство степени. В качестве аргумента сошлемся на традицию квалификации воспроизводимых сравнений как фразеологических единиц, их включения в словари сравнений (Огольцев, 2009).

Наряду с ролью опорного слова, семантика которого располагает к количественной оценке называемого признака или исключает ее, в механизме выражения степени в данном случае принципиальную роль играет специфика самой модели сравнения, используемой для выражения любого значения: определительного или обстоятельственного, в данном случае – качественно-характеризующего и степенного. Эта модель выполняет функцию характеристики признака путем отсылки к объекту сравнения – другому носителю этого признака либо иной ситуации проявления этого признака. Этот когнитивный прием обеспечивает эффект *изобразительности*, отличающий модель сравнения от иных способов выражения тех же значений, в частности – от модели следствия. Таким образом, базовая, исходная семантика предложений, которые строятся на основе модели сравнения, оказывается качественно-характеризующей.

Вместе с тем принципиально важное значение приобретает в этих случаях *тип объекта сравнения* и его соотношение с характеризуемым признаком в национальной языковой картине мира. В одних случаях говорящий отсылает к *любому из многих носителей* или *проявлений* данного признака, в других – к такому, который в картине мира является *эталонным носителем* этого признака, т. е. такому, в котором признак представлен в проявлении с высокой или высшей степенью. В последнем случае апелляция к носителю признака одновременно служит свидетельством необычного с точки зрения интенсивности проявления признака и, следовательно, способом его количественной оценки. Приведем и прокомментируем некоторые примеры такого рода, представленные в РГ-80 в качестве иллюстраций предложений качественно-характеризующего типа. Показательной в этом смысле представляется квалификация следующих предложений: «... в предложениях *Усы у него такие же жесткие, как сапожные щетки*; *Ты так нежна, как утренняя роза* явления одного ряда сравниваются с явлениями другого ряда (*усы – щетки, ты – роза*). Уподобление разных явлений – наиболее очевидный и обычный вид сравнения, широко используемый в художественной и народно-поэтической речи» (Русская грамматика, 1980b, с. 496). Развивая эту мысль, обратим внимание на то, что в данном случае объектом сравнения является предмет, близкий к эталонному носителю называемого признака, у которого данный признак выражен в высоком или высшем его проявлении. Это дает основание для констатации наличия в предложении и степенной семантики, т. е. факта семантического синкретизма – совмещения качественного и количественного значений.

В отличие от рассмотренных примеров предложение *День был морозный и солнечный, как всегда в эту пору* не дает оснований для вывода о наличии степенных отношений, поскольку подчеркивается обычность такого проявления признака. Следует полностью согласиться с его квалификацией в РГ-80: «В сферу сравнения входит также отношение соответствия предмета или действия тому, что считается нормальным, обычным, желательным или предпочтительным...» (Русская грамматика, 1980b, с. 497). Однако при изменении характеризуемой ситуации, названной главным предложением, и введении соотносительного слова смысловая функция того же придаточного становится синкретичной: *В конце октября погода стала такой холодной, как бывает зимой*. В этом случае придаточное предложение для характеристики осени в качестве объекта сравнения называет зиму – время, эталонное для проявления атмосферного холода, и, следовательно, вносит оттенок степенной оценки признака. Ср. также в простом предложении: при изображении ранней осени или весны выражения *По-зимнему холодный день* и *Холодно – как зимой!* воспринимаются как оценка степени, поскольку зима выступает эталоном холодного времени.

Факты синкретизма отметим и в других предложениях, включенных в РГ-80 в состав качественно-характеризующего типа, например: *И ждали так, как гостя дорогого* (И. А. Крылов); *Губы ее перекосились так жалобно, как у очень маленьких детей, когда они начинают чего-нибудь пугаться* (Ф. М. Достоевский). В комментарии к первому из приведенных предложений в Грамматике дается следующая характеристика: «действие, обозначенное опорным глаголом, характеризуется по его сходству с другим действием того же ряда» (Русская грамматика, 1980b, с. 498). Между тем, если учесть, что объектом сравнения служит эталонная ситуация проявления признака (*ждать дорогого гостя* = *очень ждать*; жалобное выражение лица у ребенка – эталон переживания и выражения этого состояния по отношению к взрослому лицу), то можно увидеть основания для констатации в этих высказываниях семантического синкретизма.

Как можно заметить, характеризуемый признак вместе с ситуацией его проявления благодаря апелляции к воображению, основополагающей для модели сравнения, предстает в двойном изображении: логическом и образно-ассоциативном, в том числе нередко откровенно субъективном. При этом состав ситуаций, используемых как средства образной характеристики степени проявления признака, ничем не ограничен.

На уровне простого предложения модель сравнения как способ передачи степенной семантики имеет не менее широкое использование. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что для этой модели и на уровне простого предложения характерен семантический синкретизм – совмещение качественной и количественной характеристик. Такая картина наблюдается в тех случаях, когда объектом сравнения оказывается проявление данного признака, признаваемое эталонным или близким к эталонному.

В простом предложении модель сравнения реализуется обстоятельством, в котором сравнение выступает в эксплицитном виде: наречиями определенной морфемной структуры и сравнительным оборотом. Приведем пример, включающий обе конструкции, выступающие на фоне специализированной наречной лексики *очень*: *Страх очень коварен, он зверски хитёр, Он страшен, как сто чертей* (Краева И. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть. 2007 (НКРЯ)). Рассмотрим подробнее каждое из этих средств.

В составе наречий, выступающих основным средством выражения степени, дифференцируют ядерные лексемы и такие, которые развивают степенную функцию в сочетании со словами качественной семантики. «Наречия степени означают характер интенсивности признака. Обычно они определяют прилагательное или наречие; таковы: *очень, страшно, удивительно, исключительно, слишком, много, гораздо, прямо, абсолютно, совершенно, чересчур, крайне, необычно, весьма, совсем, настолько, вдвое, вдесятеро; едва, едва-едва, еле, еле-еле, чуть-чуть, немного, несколько, капельку* (разг.), *крошечку* (разг.)» (Русская грамматика, 1980а, с. 704). Далее указывается, что состав этой части поля пополняется за счет лексем с исходно качественным значением: «Значение степени может быть заключено и в качественном наречии: *абсолютно, необыкновенно, невероятно, необычайно, фантастически, чрезвычайно, бешено, чудовищно, невыразимо, несказанно, неслыханно, божественно, бесконечно, беспредельно, безмерно, безумно, смертельно, ослепительно, нестерпимо, невыносимо, блестяще, феноменально, гениально, сверхъестественно, сравнительно, относительно*» (Русская грамматика, 1980а, с. 704).

Логику развития степенной функции у слов с исходно иным значением прослеживает М. С. Хмелевский. В результате этимологического анализа слов, выполняющих роль интенсификаторов в современных славянских языках, автор утверждает, что основу категории интенсивности на лексическом уровне представляют «наречия, образованные преимущественно от качественных прилагательных и в ходе определенных закономерных семантических преобразований развившие способность интенсифицировать действие либо признак, при этом ослабив либо полностью утратив свое исконное качественное значение» (Хмелевский, 2018, с. 208–209). В качестве ядерных средств данной лексической группы в славянских языках он приводит следующие лексемы: рус. *очень, весьма*, укр. *дуже*, блр. *вельмі*, пол. *bardzo*, чеш. *velmi, velice*, мос. слцк. *velmi*, срб., хрв. *veoma, vrlo, jako*, слвн. *zelo, čisto, hudo* (Хмелевский, 2018, с. 209). В статье показано несколько продуктивных моделей развития количественной семантики на базе качественной – «семантические поля ‘большой по размерам’, ‘вызывающий чувство страха, ужаса’, ‘положительный’, которые послужили толчком для перехода качественных наречий в группу наречий-интенсификаторов с частой утратой или стиранием их исконного качественного значения» (Хмелевский, 2018, с. 216). Вместе с тем отметим, что в составе указанных в статье лексем с исходно качественным значением отсутствуют единицы, которые привлекаются к выполнению степенной функции на основе модели сравнения, которая, по нашим наблюдениям, также играет принципиально важную роль.

Модель сравнения как механизм развития степенной семантики у слов с исходно качественным значением представляют наречия преимущественно определенной морфемной структуры, образованные от прилагательных: *чертовски, дьявольски, нищенски, (по-)матерински, (по-)отцовски, (по-)царски, (по-)детски, по-зимнему* (реже иной морфемной структуры: *сказочно, божественно*) и др. Приведем примеры: *Революция казалась ему беспомощной, детски доверчивой, окружённой вероломством, жестокостью злодеев, грязью растлителей* (Гроссман В. Все течет. 1989 (НКРЯ)); *Вы дьявольски талантливы, и временные спады не должны вас пугать* (Мацанов А. Мастер и подмастерье. 2015 (НКРЯ)).

Показателем регулярности использования адвербиальных лексем этого типа и факта массового вовлечения в сферу средств выражения степенной семантики служит формирование в составе ФСП интенсивности микрогрупп с общей исходной семантикой. Среди объектов сравнения, к которым регулярно апеллирует говорящий в поисках средства передачи степени, укажем несколько достаточно типичных:

1. Номинации образов **из сферы сверхъестественного** (*бесовски, демонически, сатанински, чертовски, дьявольски, адски, ангельски, райски, божественно*). Приведем примеры: *К географии от этих скитаний привязался. Чертовски интересно! Наездишься — насмотришься...* (А. Солженицын); *Ах, как дьявольски красиво, как прельстительно, как чудесно было на этих холмах, по которым со звоном тащится старинный кэйбл-кар, канатный трамвайчик...* (Аксенов В. Круглые сутки нон-стоп. 1976 (НКРЯ)); *... в кафе оказалось бесовски дорого ...* (Набоков В. Король, дама, валет. 1990 (НКРЯ)); *Мы едем, едем и вдруг чувствуем, что начинаем задыхаться, – представьте, солнце печёт адски, брезент у машины раскалился, а народу внутри как сельдей в бочке* (Вахитов С. Разорванное сердце Адель. 2013 (НКРЯ)); *Подчас сердился Мейерхольд, но Маяковский был ангельски терпелив и вел себя как истый джентльмен* (Анненков Ю. Дневник моих встреч. 2001 (НКРЯ)); *Художник ощутил, как в нем поднимается неконтролируемая ярость, руки деревенеют, божественно гармоничные линии становятся неточными* (Маринина А. Ангелы на льду не выживают. 2014 (НКРЯ)).

2. Номинации образов **из сферы человека и социума** (по-матерински, детски, царски и мн. др.), например: *Что-то **детски наивное** должно быть в этой смерти* (Шаламов В. Колымские рассказы. 1998 (НКРЯ)); *Ах, глупо, Ефрем Капитоныч!.. Ах, **мальчишески глупо!**..* (Эртель А. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. 1996 (НКРЯ)); *Но у нее железная воля, и в ней есть то, что называется «порода». Она невозможно, **царственно красива*** (Спивакова С. Не всё. 2002 (НКРЯ)).

3. Номинации образов **из сферы животного мира** (зверски, по-звериному, по-свински, по-волчьи, по-заячьи, по-кошачьи, по-лошадиному и др.), например: ***Промёрз я зверски**. Пальцы рук и ног не чувствовали, тело как будто одеревенело* (Саврасов Д. Из тумана далёкого прошлого. 2011 (НКРЯ)); *Но это глупо – бояться тех, кто сам **по-заячьи трусит**...* (Полонский Г. Медовый месяц Золушки. 1988 (НКРЯ)).

С наречиями этого типа в функции средства выражения степени непосредственно коррелирует конструкция сравнительного оборота. С другой стороны, сравнительный оборот непосредственно соотносится с придаточным степени в составе сложноподчиненного предложения, тем более что в обеих конструкциях используются одни и те же союзы: *как, словно, будто, как будто*.

В составе сравнительного оборота чаще всего выступают существительные в разных падежных и предложно-падежных формах (как *огонь, как огня, как [малый] ребенок, как у [несмышленного] ребенка, как сон, как во сне*), прилагательные, часто субстантивированные (как *мертвый, как сумасшедший*), наречия (как *зимой, как спорононья*) и др. Приведем примеры: *Я поливал из шланга и драил палубу. **Устал как черт*** (Аксенов В. Звездный билет. 1961 (НКРЯ)); *... любовь становится блаженством и счастьем нашей жизни тогда только, когда она **свободна, как воздух, и прихотлива, как дитя*** (Загоскин М. Искуситель. 1989 (НКРЯ)); *Будь осторожной, – порывисто, захлебываясь заговорил он. Будь **хитрой, как лиса, как черт, как дьявол**, только не попадись к ним, умоляю тебя!* (Симонов К. Живые и мертвые. 1989 (НКРЯ)). Приведем пример, в котором степенная семантика сравнительного оборота специально подчеркивается говорящим через синонимическое сближение с безусловным выражителем высокой степени признака – наречием *невероятно*: *Когда дядя Сандро разламывал кости во рту и высасывал из них костный мозг, глаза у него делались **невероятно свирепыми, словно у хищника**, который разрывает живую дичь* (Искандер Ф. Чик читает обычаи. 1997 (НКРЯ)).

Очевидно, что сравнительная конструкция как в сложном, так и в простом предложении при обозначении признака обладает изобразительным эффектом. В одних случаях этот эффект через «визуализацию» лишь дополняет качественную характеристику признака, в других – выражает синкретическое значение, совмещающая качественную характеристику (изображая особенность признака) с количественной, в-третьих – указывает лишь на степень проявления признака, полностью нивелируя качественное значение. При этом провести четкие границы вариантов семантики оборота в ряде случаев невозможно. Покажем и прокомментируем это на примере использования образа дьявола:

1. *Уносился под закат и **хохотал как дьявол** в поповской рясе* (Шапко В. рузок, what is it горка and липка? 2014 (НКРЯ)); *Орал кочетище. Он стоял у нас в ногах – **лупастый, большой, с кустистым малиновым гребнем и сам весь сизо-пламенный, как дьявол*** (Воробьев К. Вот пришел великан. 2002 (НКРЯ)). Сравнительный оборот в этих примерах выполняет качественно-характеризующую функцию – уточняет способ деятельности и цвет путем апелляции к знаниям о дьяволе из культурных источников.

2. *Вот уж кто истинно пресытился в удовлетворении всяких своих пороков и страстей и, **как дьявол, обуян гордыней!*** (Бунин И. А. Освобождение Толстого. 2008 (НКРЯ)); ***Гордый, как дьявол**, мальчишка бросился к Мольеру и категорически заявил, что он уходит из труппы* (Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера. 1990 (НКРЯ)); *Какой-то матрос, **ловкий, как дьявол**, взобрался кверху, под самую крышу сарая, и потом закачался в воздухе вместе с мостками <...>* (Короленко В. Г. Без языка. 1955 (НКРЯ)); *Кот был огромный, абсолютно черный и **умный, как дьявол*** (Белоусова В. Второй выстрел. 2000 (НКРЯ)). В данном случае более очевидно совмещение смысловых функций оборота: названные признаки гордыни, физической ловкости, ума дополняются образом носителя этих качеств – известного по культурным источникам в том числе этими качествами. Можно, как кажется, признать дьявола одним из эталонных носителей этих признаков и, следовательно, усмотреть также семантику высокой степени их проявления.

3. *Он <...> потребовал, чтобы мы немедленно приехали к нему ужинать, потому что он так и не обедал и голоден, **как дьявол**, а есть одному ему скучно* (Каверин В. Два капитана. 1984 (НКРЯ)); *Устроил «каприз», на румынский не ходил. Галина Георгиевна была **капризна, как дьявол*** (Швец В. А. Дневник. 2004–2013 (НКРЯ)). В этих примерах названные качества (состояние голода и капризность) в языковой картине мира не имеют тесной связи с образом дьявола как их типичным и тем более эталонным носителем. Поэтому обращение к сравнению с образом дьявола можно объяснить представлением о нем как о сверхъестественном существе, превосходящем человека в целом, по большому числу признаков. В данном случае сравнительная конструкция выступает в функции интенсификатора, не будучи осложнена функцией качественной характеристики.

Вместе с тем семантический синкретизм в высшей степени характеризует природу модели сравнения как способа передачи значения, что нередко затрудняет дифференциацию его функций, как в следующих примерах: *Кругом нее – дома выше леса, выше проводов, выше водонапорки, и **такие страшные все, и так горят красным окном, как дьяволы в аду*** (Щербакова Г. Моление о Еве. 2001 (НКРЯ)); *Предводитель их, Ассидемон, был **столь страшен зверям, как дьявол людям*** (Фонвизин Д. И. Ассидемоновы жалобы на зверей. 1959 (НКРЯ)). В первом из приведенных примеров по отношению к двум главным предложениям одно и то же придаточное играет две разные роли: выполняет качественно-характеризующую и степенную функции в первом высказывании и преимущественно степенную функцию во втором высказывании. Способствует дифференциации

этих случаев семантика опорных слов: лексем *страшный* и *гореть*. При выражении степенного (интенсифицирующего) значения дьявол выступает эталоном представления о страшном существе.

Одним из показателей системной организации данного сегмента ФСП интенсивности является общий состав реалий, используемых в качестве образа сравнения и, соответственно, в качестве эталонного носителя того или иного признака – в составе наречий и лексем в составе сравнительного оборота: *быстро, как в сказке – сказочно быстро; царски щедрый – щедр, как царь; по-королевски роскошно – роскошно, как у короля; заботлив, как отец – по-отцовски заботливый; по-заячьи труслив – труслив, как заяц*.

Иначе говоря, универсальный характер модели сравнения как средства выражения степенного значения состоит не только в общем механизме опосредованной передачи этого значения посредством апелляции к эталонному проявлению признака, реализуемом разными средствами на уровне простого и сложного предложений (наречием, сравнительным оборотом, а также предикативной единицей в качестве придаточного предложения), но и в том, что при использовании разных средств состав эталонных носителей и эталонных проявлений признака оказывается общим. Эта закономерность, в свою очередь, целиком обусловлена особенностями национальной языковой картины мира, в данном случае русской. Приведем примеры: «... **Обворожитель, как демон**» – записано в материалах к роману (11, 175) (Бочаров С. Французский эпиграф к «Евгению Онегину». Онегин и Ставрогин. 2000 (НКРЯ)); *Понимаете, мой папа был джазовым музыкантом, очень талантливым и **демонически красивым*** (Поляков Ю. Гипсовый трубач: дубль два. 2010 (НКРЯ)); *Ну, они сказали, что не стоит вас... дразнить. И что вы **умный, как... как дьявол*** (Рубина Д. Белая голубка Кордовы. 2009 (НКРЯ)); *Валентин Алексеевич знал, что Булгаков **дьявольски умён**, поразительно наблюдателен и прекрасно понимает, для чего приглашён в ресторан* (Мацанов А. Мастер и подмастерье. 2015 (НКРЯ)).

Обусловленность данной закономерности языковой картиной мира сказывается и в том, что наиболее часто воспроизводимые образы «обрастают» комплексом признаков, которые служат основанием сравнения. В этом статусе обычно выступают когнитивные признаки, относящиеся к числу доминантных в структуре соответствующих концептов. Примером для иллюстрации этого положения могут служить следующие высказывания: *Военная музыка своими раскатами меди всегда тревожно отзывалась у Виктора в груди, И **демонически притягивала**, к себе* (Сартаков С. Философский камень. 1997 (НКРЯ)); *Наверное, твой жених сходит с ума от радости? – спрашивает вторая. Нет, он **зол, как демон**. Я выхожу замуж за его отца!* (Коллекция анекдотов: молодёжные (НКРЯ)); *В той башне, высокой и тесной, царица Тамара жила, **прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла*** (Некрасов Н. А. Взгляд на главнейшие явления русской литературы в 1843 году. 1844 (НКРЯ)).

В качестве примера образа, более показательного для иллюстрации степенной функции, приведем предложения, включающие в качестве объекта сравнения образ ада, вокруг которого концентрируются наиболее существенные признаки этого концепта, запечатленные в русской языковой картине мира:

- трудность существования в аду: *Нейрофизиологи **взялись построить коннектом человека; нарисовать схему всех этих мозговых проводов и контактов между ними. Задача адски сложная*** (Вложить себя в науку // «Кот Шрёдингера». 2016 (НКРЯ)); *В этом **адски кропотливом** труде рождалась знаменитая булатная сталь* (Мозаика // «Знание - сила». 2005. № 3 (НКРЯ));

- страдание для попавшего в ад: *Рука **распухла и адски болит*** (Петросян М. Дом, в котором... 2009 (НКРЯ)); *<...> вот будет у меня парень, а потом парень меня бросит, он уйдет к другой девушке, а я буду **мучиться** (по поводу парня), **как в аду** <...>* (Палей М. Дань саламандре. 2012 (НКРЯ)); *Бок и вправду **горел как в аду*** (Васильев Б. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт. 1999 (НКРЯ));

- мучительное переживание состояния высокой температуры: *Мы <...> **вдруг чувствуем, что начинаем задышаться, – представьте, солнце печёт адски, брезент у машины раскалился...*** (Вахитов С. Разорванное сердце Адель. 2013 (НКРЯ)); *Здесь все было **раскалено, как в аду*** (Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный. 2004 (НКРЯ)); *В маршрутке было **жарко, как в аду*** (Маркосян-Каспер Г. Кариатиды. 2003 (НКРЯ)).

Напротив, образ рая является эталонной ситуацией переживания состояния неги, гармонии, блаженства: *Глядя на лоснящегося, моргающего Ивана, она **прикидывала, что, если ей настолько плохо, если она платит такую цену, значит, ему должно быть райски хорошо...*** (Славникова О. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки. 1999 (НКРЯ)); *Когда поют в церкви: «сей день его же сотворил Господь», имеют в виду это дуновение из **распахнувшейся «зеленой калитки» («Зеленая калитка» Уэллса, дверь в Эдемский сад), воздух эдемски невинной, райски блаженной жизни*** (Малахеева-Мирович В. Маятник жизни моей: дневник русской женщины. 2015 (НКРЯ)); *День выдался **теплый и нежный, как в раю*** (Токарева В. Своя правда // Новый мир. 2002. № 9 (НКРЯ)).

Будучи эталонными носителями названных признаков (страдания и блаженства), образы ада и рая выступают средством указания на высшую степень проявления этих признаков.

Гораздо более богатым с точки зрения семантической структуры в языковой картине мира является образ ребенка, особенно при его осмыслении сквозь призму представлений о взрослом человеке. Ребенок оказывается эталонным носителем проявлений многих признаков, которые не типичны для взрослого человека в такой степени, и на этом основании может служить для их оценки в необычайно высоком проявлении у взрослого человека (Алфалки, Илюхина, 2021). Проредмонстрируем ряд признаков, в отношении которых ребенок – при характеристике взрослого – может восприниматься как их эталонный носитель, показывающий их высокое либо высшее проявление.

Наиболее часто представление о ребенке используется с актуализацией несдерживаемого эмоционального состояния и обусловленного им поведения: в высшей мере открытого переживания счастья, состояния азарта, волнения, влюбленности, смущения и др.:

- радость, счастье: Душа **радовалась, как дитя**, но была не на месте (Ремизов В. Воля вольная // Новый мир. 2013. № 11-12 (НКРЯ)); Советского покроя король был **ребячески счастлив** (Крышук Н. Расписание // Звезда. 2001. № 2 (НКРЯ)); Я **счастлив как мальчишка**, честное слово! (Кетлинская В. Мужество. 1957 (НКРЯ));
- увлеченность, азарт, задор: Софья Андреевна уже тогда видела все слабости Ивана: его обидчивость, безответственность, **ребячески азартную страсть** к питию (Славникова О. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки. 1999 (НКРЯ)); Он сам **увлекался ею, как мальчишка...** (Хованская А. Авантюристка. 1928 (НКРЯ));
- волнение: По дороге туда я **волновался, как мальчик** (Фрумкин В. «Между счастьем и бедой...». 2003 (НКРЯ)); Шабанов не мог говорить. Он был **взволнован, как мальчишка** (Корецкий Д. Менты не ангелы, но ... 2012 (НКРЯ));
- влюбленность: Мне страшно повезло, и я **влюблен как мальчишка** (Нестерова Н. Лялька, или Квартирный вопрос. 2013 (НКРЯ)); Ну, не спутался, так врезался по уши, **влюбился, как... мальчишка!** (Первухин М. Квартирант // Современный мир. 1908. № 7 (НКРЯ));
- смущение: **«Смутился, как мальчишка»**, – подумал Буйвол и обернулся к своей спасительнице... (Милованов М. Кафе «Зоопарк». 2000 (НКРЯ)).

Ребенок предстает эталонным носителем социально-психологических качеств, связанных с отсутствием или недостаточностью опыта социализации:

- простота, доверчивость: ...**тешился** Векшин его **детски наивной простотой** <...> (Леонов Л. Вор. 1979 (НКРЯ)); Это был и не отряд, и не стадо, и не толпа – а народ, со своим заданием, но и характером. **Ребячливо доверчивый** – и уже порядком забитый (Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001. № 8 (НКРЯ));
- беспомощность, неопытность: Он ... **убил ради захвата власти самое святое, что было в России**, – её свободу. Эта свобода была **детски беспомощна, неопытна** (Гроссман В. Все течет // Октябрь. 1989. № 6 (НКРЯ));
- растерянность: Вчера я **растерялся, как мальчишка**, а сегодня мне смешно (Липатов В. И это все о нем. 1984 (НКРЯ)).

Еще более очевидным с точки зрения эталонного статуса как носителя признаков по отношению к взрослому человеку является в русской языковой картине мира младенец. В этой функции он выступает носителем неопределенного множества признаков, в высшем их проявлении свойственных ребенку этого возраста, полностью лишенному жизненного опыта, социализации, неразвитому эмоционально и интеллектуально, беспомощному, нуждающемуся в поддержании жизнедеятельности и т. д. Приведем примеры, в которых младенец выступает эталонным носителем типичных признаков:

- беспомощность: У нас **развелась** какая-то особая порода демократов. **Мастаков чесать речи и младенчески беспомощных** в практических делах (Левицкий Л. Дневник. 2006 (НКРЯ)); Тем более **беззащитен ты, как младенец**. Жаловаться некуда и бессмысленно (Э. Рязанов. Заекранье. 1990. <https://lib.ru/POEZIQ/RYAZANOW/zaekranie.txt>);
- неразвитость, глупость: Он ничего в действительной жизни **не понимает** – **младенчески** (Чуковский К. Дневник. 2013 (НКРЯ)); ... мне кажется, что наш европеизм (столь искренний, столь **младенчески глупый** иногда и столь гибельный) он считал лишь маской... (Леонтьев К. Из воспоминаний консула. 2002 (НКРЯ));
- слабость: Я ударил раза четыре; но удары мои были так **младенчески слабы** и неуклюжи, что я сам устыдился своей попытки ... (Якубович П. В мире отверженных. 1896 (НКРЯ)); «Я **слаб, как младенец**», – подумал Стрельцов (Грачев Р. Наследство. 2013 (НКРЯ));
- неопытность: Вместо того чтобы ждать, пока Керенский и Ко. со всеми аггелами падут как зрелый плод, неумные, но решительные генералы, **младенчески неопытные** в политике и ранее всегда [далее зачеркнуто: отрицательно] пренебрежительно относившиеся к политике, выступили вождями предприятия, не имевшего под собой почвы (Готье Ю. Дневник. 1997 (НКРЯ));
- невинность: Если вы так поступите, я буду знать, что в своем анализе допустила ошибку и вы **невинны, как младенец** (Маринина А. Стечение обстоятельств. 2005 (НКРЯ)); Мерзость этой жизни, выставленная во «Власти тьмы», как бы уравнивается фигурой старца Акима, душа которого **младенчески чиста** (Соловьев-Андреевич Е. Л. Н. Толстой. Его жизнь и деятельность. 1897 (НКРЯ));
- доверчивость: Оригинальный ум соединялся у него с самым нежным, отзывчивым и **младенчески доверчивым сердцем** (Апухтин А. Дневник Павлика Дольского. 1985 (НКРЯ)); Он тогда здорово обманул Сою, – всё-таки она **простодушна, как младенец**, обмануть её ничего не стоит (Чуковский Н. Балтийское небо. 1955 (НКРЯ));
- простота: Паша Антипов был так еще **младенчески прост**, что не скрывал блаженства, которое доставляли ему ее посещения... (Пастернак Б. Доктор Живаго. 1990 (НКРЯ));
- наивность: Белинский едва мог отдышаться от хохота, воскликнув: – Тургенев, вы **наивны, как младенец!** (Панаева А. Воспоминания. 2002 (НКРЯ)); <...> человек, столь знаменитый на всю Европу, – знаменитый теоретик анархизма и автор «Записок революционера», знаменитый еще и как географ, путешественник и исследователь Восточной Сибири и полярных областей, – оказался <...> живым и каким-то совершенно очаровательным, **младенчески наивным**, милым в разговоре, в обращении (Бунин И. Из воспоминаний. Автобиографические заметки. 2008 (НКРЯ)).

В приведенных примерах образы ребенка, младенца, а также ада, рая и пр., выражаемые сравнительным оборотом и наречием, при характеристике признака демонстрируют ярко выраженную изобразительность – совмещают качественную и количественную характеристики признака, т. е. демонстрируют проявления семантического синкретизма.

По результатам анализа выявлен общий принцип развития степенной семантики у слов с совершенно разным лексическим значением. Акт сравнения способен актуализировать в значении слова широкий круг признаков, в отношении которых называемая реалья выступает в национальной картине мира эталонным носителем.

В процессе повышения частотности употребления таких лексем и расширения их сочетаемости мера синкретичности их значения сокращается и основным компонентом в структуре значения становится сема степени.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать вывод о существовании единой модели опосредованной передачи значения степени на уровне простого и сложного предложений. Средствами реализации модели на уровне простого предложения являются наречия и слова разных частей речи в составе сравнительного оборота, выступающие в функции обстоятельства степени, на уровне сложного предложения в прямой корреляции с ними выступает сложноподчиненное предложение с придаточным, выражающим степень через акт сравнения.

Эта корреляция свидетельствует об особом проявлении изоморфизма в семантической структуре простого и сложного предложений. Оно заключается в существовании общего механизма опосредованной передачи степенной семантики через сравнение – путем апелляции к проявлению признака у другого носителя или в другой ситуации, выражающегося как в синтаксических, так и в лексических средствах выражения.

Апелляция к конкретному (узнаваемому) носителю признака придает модели сравнения особую изобразительность. Эта особенность обеспечивает эффект семантического синкретизма: количественная характеристика признака возникает на основе качественной, что приводит к совмещению двух аспектов характеристики признака. Явление синкретизма свидетельствует о нередком отсутствии отчетливой границы между семантикой качества и количества в тех случаях, когда опорное (определяемое) слово обладает качественным значением, одинаково располагающим и к дополнительной качественной, и к степенной оценке. В таких случаях важным показателем наличия степенного компонента в значении обстоятельства или придаточного предложения является статус образа сравнения, к которому отсылает говорящий. Если образ сравнения, т. е. реалья, выступающая носителем соответствующего признака, воспринимается лингвокультурным коллективом как эталон высокого или даже высшего проявления данного признака, сравнение с ним следует считать опосредованным выражением степенной оценки признака.

Перспективы исследования могут быть связаны с выявлением других форм изоморфизма, связанного с моделью сравнения, в простом и сложном предложениях. Есть основания предполагать, что модель сравнения на уровне простого и сложного предложений участвует в опосредованной передаче семантики качества и образа действия, а также атрибутивной семантики.

Материалы исследования | Research materials

1. Национальный корпус русского языка. ruscorpora.ru/ (НКРЯ).
2. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения (теоретический курс): учебное пособие для студентов филологических факультетов педагогических вузов и университетов. Самара: Изд-во СамГПИ; Изд-во «Самарский университет», 1993.

Источники | References

1. Алфалки С. К., Илюхина Н. А. Сравнение как способ экспликации семантической структуры концепта (на примере образа ребенка) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 4-5.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Изд-во «Наука», 1976.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
4. Воротников Ю. Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка. М., 2011.
5. Глазунова О. И. Наречия со значением высокой, очень высокой и предельной степени интенсификации признака // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 2.
6. Грамматика русского языка: в 2 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. Т. 1. Фонетика и морфология.
7. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Изд-во «Наука», 1970.
8. Илюхина Н. А. Выражение степенной семантики в простом и сложном предложениях с точки зрения изоморфизма (на примере следственной модели) // Русский язык в школе. 2025. Т. 86. № 5.
9. Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка: монография. М.: ФЛИНТА, 2018.
10. Колесникова С. М. Категория градуальности в русском языке: системное описание // Актуальные проблемы стилистики. 2022. № 8.
11. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2009.
12. Поддячая И. А. Парадигматические отношения фразеологических единиц качественно-обстоятельственного класса в русском и английском языках: дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2009.

13. Русская грамматика: в 2 т. М.: Изд-во «Наука», 1980а. Т. 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология.
14. Русская грамматика: в 2 т. М.: Изд-во «Наука», 1980b. Т. 2. Синтаксис.
15. Сальникова Ю. О. Сложноподчиненные предложения с придаточным качества, меры и степени признака: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2010.
16. Соколова Н. В. Роль просодических средств в выражении высшей степени признака // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2011. № 1.
17. Хмелевский М. С. От качества к оценке (модели формирования класса наречий-интенсификаторов в славянских языках) // Сибирский филологический журнал. 2018. Вып. 3.
18. Ховалкина А. А. Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке. Симферополь: Lege Artis, 2014.

Информация об авторах | Author information

RU**Илюхина Надежда Алексеевна**¹, д. филол. н., проф.**Шевченко Вячеслав Дмитриевич**², д. филол. н., доц.^{1,2} Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**EN****Nadezhda Alekseevna Ilyukhina**¹, Dr**Viacheslav Dmitrievich Shevchenko**², Dr^{1,2} Samara National Research University¹ ilnadezhda@ssau.ru, ² vds@ssau.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.08.2025; опубликовано online (published online): 10.09.2025.

Ключевые слова (keywords): степенная семантика; обстоятельство степени; придаточное степени; наречие степени; модель сравнения; degree semantics; adverbial modifier of degree; adverbial clause of degree; adverb of degree; comparison model.